

Экскурс об оленных камнях (В.В. Волков).

Искусство населения Тувы раннего железного века представлено не только многочисленными изделиями мелкой пластики, выполненными в зверином стиле, но также петроглифами и памятниками монументального искусства. Интереснейшая разновидность последних — оленные камни. [4] Это стелы (высота до 4 м) с выбитыми на них изображениями украшений, парадных поясов с подвешенными предметами вооружения (кинжалы, клевцы, луки в налучьях, ножи), а также фигурок различных животных, прежде всего оленей (отсюда их название), выполненных в характерной стилизованной манере (табл. 71, 1-6). Как и предметы «скифской триады», оленные камни не связаны с какой-либо одной культурой, и территория их распространения необыкновенно обширна. Однако назначение оленных камней в различных районах неодинаково. Так, в Туве их находят возле курганов уюкской культуры (обломок стелы обнаружен в насыпи кургана Аржан). В восточных районах Монголии и Забайкалье они часто стоят в качестве угловых камней на плиточных могилах, а в западной Монголии входят в архитектурные комплексы херексуров. Новые находки позволяют отодвинуть восточную границу распространения оленных камней до Читинской обл. Правда, в Забайкалье они сравнительно редки, зато в соседней Монголии в последние годы обследовано около 500 новых памятников этого рода [Волков В.В., 1981]. В Туве зафиксировано около 20 оленных камней [Маннай-оол М.Х., 1968], на Алтае — более 50 [Кубарев В.Д., 1979].

Отдельные оленные камни обнаружены в Киргизии, Восточном и Центральном Казахстане, на Южном Урале [Кызласов Л.Р., Маргулан А.Х., 1950; Маргулан А.Х., 1979; Попов С.А., 1964]. Памятники подобного типа, представляющие собой европейский вариант оленных камней, известны на территории Северного Кавказа, Крыма, Украины, Добруджи и северо-восточной Болгарии [Тончева Г., 1972; Савинов Д.Г., 1977; Савинов Д.Г., Членова Н.Л., 1978; Чеченов Н.М., 1978; Корпусова В.Н., Белозор В.П., 1980]. Западная граница их распространения доходит, видимо, до Эльбы [Савинов Д.Г., Членова Н.Л., 1978].

В современных классификациях оленные камни подразделяются на две большие группы: первая — с изображениями животных; вторая — без них, но со всеми другими атрибутами, присущими этим памятникам (ожерелья, пояса, оружие). В первой группе выделяются два основных типа: с изображениями оленей, близкими к натуре, «реалистическими», и с орнаментально стилизованными фигурками животных, у которых морды вытянуты наподобие птичьего клюва. Все эти типы представлены в Туве (табл. 71, 1, 6). Стелы без изображений животных преобладают на западе их ареала, но достаточно часто встречаются и на востоке. В Туве и на Алтае они составляют более половины всех памятников; в Монголии и Забайкалье — только 9%. Камни с «реалистическими» изображениями оленя характерны в основном для Тувы и Алтая и поэтому условно могут быть названы саяно-алтайским типом. В Монголии они единичны и встречаются только в районах, примыкающих к Туве и Алтаю. Стелы с орнаментально стилизованными оленями, наоборот, господствуют в Монголии и Забайкалье, где составляют около 90% всех памятников, и лишь единичные их экземпляры открыты в южных районах Тувы, на Горном Алтае и в Восточном Казахстане. Поэтому они с полным основанием могут быть названы монголо-забайкальским типом, тем более что по общему количеству они значительно превосходят все остальные группы и типы оленных камней, вместе взятых.

Хронологическое положение выделенных групп и типов оленных камней, т.е. их периодизация, не может пока считаться общепризнанным и устоявшимся. Расхождения в датировках у разных исследователей значительны. Наиболее ранняя дата (XII-IX вв. до н.э.) для саяно-алтайских и монголо-забайкальских камней предложена М.П. Грязновым после находки обломка стелы в насыпи кургана Аржан (табл. 71, 1) [Грязнов М.П., Маннай-оол

М.Х., 1973]. Иначе представляет себе эволюцию оленных камней Л.Р. Кызласов, который считает памятники без фигурок животных древнейшими и относит их к предскифской поре. Стелы с изображениями в скифо-сибирском зверином стиле, по его мнению, целиком относятся к скифской эпохе, причём наиболее поздними из них являются камни монголо-забайкальского типа [Кызласов Л.Р., 1978, С. 26].

Представительные серии оленных камней, накопленные в последние годы на всей территории их распространения и особенно в Монголии, позволяют, на наш взгляд, отнести появление памятников обеих групп к предскифской поре. Одновременны, надо думать, и оленные камни с «реалистическими» и стилизованными изображениями оленей. Есть достаточно веские основания полагать, что те и другие появились в доскифское время — вероятно, в первых веках I тысячелетия до н.э. — и что различия между саяно-алтайскими и монголо-забайкальскими оленными камнями не столько хронологические, сколько территориально-локальные. На востоке ареала этих стел обычай сооружения оленных камней доживает до V-IV вв. до н.э. и сменяется, возможно, традицией установки необработанных стел-менгиров в квадратных оградках. Так, на Алтае и в Туве известны случаи, когда стелы без фигурок оленей, а также упрощённых вариантов саяно-алтайского типа стоят возле уюкских курганов V-IV вв. до н.э. О том же свидетельствует изображённое на некоторых монгольских камнях оружие раннетагарских форм. На западе ареала уже в VI в. до н.э., а может быть, и несколько раньше, оленные камни исчезают.

Новые находки в Монголии позволили полнее выявить еще одну особенность оленных камней — антропоморфный характер памятников. Обычно человеческий образ передан в них крайне условно и схематично. Он скорее угадывается по изображениям серёг, шейных украшений, боевых или парадных поясов, оружия, расположенным в том порядке, как их носили древние воины, и изредка встречающимся очень упрощённым личинам в верхней части стел. Только на трёх монгольских камнях (Ушкин увер, Агрын и Джаргалант) человеческие лица выполнены по всем законам объёмной скульптуры и дают представление о портретных особенностях. Любопытно, что эти лица лишены монголоидных черт, свойственных, например, древнетюркским изваяниям. Удлиненный овал лица, тяжёлые надбровья, длинный и прямой нос — черты, близкие скорее к европеоидному антропологическому типу. Исходя из антропоморфности оленных камней, многие исследователи видят в них обобщённый героизированный образ предка — покровителя рода или племени, в честь которого и сооружались жертвенники. В литературе, посвящённой оленным камням, высказывались и другие точки зрения, согласно которым оленные камни с их трёх- или двучленным делением по вертикали сопоставляются с жертвенными столпами — семантическим эквивалентом «мирового древа».

Вопрос о назначении оленных камней дискусионен. Долгое время их считали надгробными памятниками. Однако в Монголии исследовано несколько жертвенных комплексов, где оленные камни были важнейшим или основным элементом этих сооружений. Стелы (до 10-15 штук) стояли несколькими рядами в окружении плоских каменных выкладок, дорожек и маленьких курганчиков, под которыми были захоронены черепа жертвенных животных, главным образом лошадей.

Генезис оленных камней пока неясен. Типологически увязанных с ними предшественников в области их распространения нет. Может быть, действительно, прав М.П. Грязнов, предполагавший, что первоначально они изготавливались из дерева (стволов) и поэтому не сохранились. Косвенные данные есть — например, расположение рисунков спиралью даже на плоских каменных плитах.

Скифо-сибирский звериный стиль, главной особенностью которого было изображение животных в определённой позе, с особой трактовкой деталей, получил яркое отражение в искусстве наскальной живописи населения Тувы скифского времени [Маннай-оол М.Х., 1970; Дэвлет М.А., 1976б; 1980а; 1982; Грач А.Д., 1980]. Для хронологического определения петроглифов решающее значение имеет сопоставление изображений на скалах и на оленных камнях, хотя стилистический стандарт, свойственный оленным камням, в наскальных изображениях проявляется редко, обычно наблюдаются лишь частичные совпадения. Наиболее характерный сюжет — изображения оленей и других копытных с подогнутыми ногами. У оленей в таких случаях рога трактованы так же, как и на оленных камнях. К скифскому времени следует отнести серию изображений оленей с древовидными рогами в виде вертикальных стволов с отходящими в стороны отростками. Правда, в основной части этот пласт наскальных рисунков датируется эпохой бронзы. Характерны петроглифы, содержащие изображения животных, главным образом горных козлов, в позе «внезапной остановки», когда они показаны как бы заторможенными после стремительного бега. Своеобразны изображения крылатых животных с крыльями в виде отростков на спине, фигуры хищников из семейства кошачьих. Известны изображения птиц с распостёртыми крыльями и повернутой в сторону головой. Иногда изображения животных бывают вписаны одно в другое, что также характерно для скифо-сибирского звериного стиля. Встречаются изображения криволинейных триквестров, иногда оканчивающихся головками животных или птиц. Наиболее часты и труднее поддаются хронологическому определению изображения горных козлов.

Специфика погребальных памятников ограничивает возможность реконструкции мировоззрения и верований носителей уюкской культуры. Они позволяют судить преимущественно лишь о том, какой представлялась им посмертная судьба человека. Устойчивый обряд трупоположения и состав сопровождающего инвентаря указывают на то, что она мыслилась аналогичной реальной жизни. Мёртвых снабжали полноценными предметами, необходимыми в быту, включая зимнюю одежду, и некоторым количеством пищи и питья на время перехода, как можно полагать, в страну предков. Различные меры по сохранению тел или костей умерших до момента их захоронения (включая мумификацию) также говорят о реально материалистических представлениях, лежащих в основе погребального обряда. Специфическое положение погребённых (сходное, но не идентичное со скорченным), иногда явно приданное им искусственно, выступает как ритуально необходимое. Смысл его ещё остается неясным, но неестественно большая согнутость ног не позволяет считать это позой спящего человека. Вернее, кажется, видеть в этой позе воспроизведение эмбрионального положения.

В верованиях носителей уюкской культуры значительное, если не господствующее, место занимало почитание явлений природы и окружающего мира. Обилие спиралей, вихревых розеток, кругов с точкой посередине и других изображений с отчётливой солярной символикой в декоративном оформлении различных предметов и керамики указывает на какую-то форму культа солнца. Возможно, отражение его следует видеть и в конструкции так называемых херексуров с радиальными «лучами» вокруг наземного погребального сооружения. Однако датировка их и тем более интерпретация как храмов солнца [Грач А.Д., 1980. С. 62] нуждаются в серьёзном подтверждении новыми фактами. В погребениях обнаружены свидетельства культового значения огня: как почитаемый очаг, занимающий центральное место, и как способ очищения могилы перед сооружением камеры или совершением захоронения.

Среди мотивов росписи на керамике очень часты вертикальные зигзагообразные фигуры, расположенные параллельными рядами. Постоянные сочетания со спиральями позволяют

видеть и в них символы — вероятно, воды. Многочисленность изображений животных — преимущественно диких — отчётливо говорит о большой роли их в мировоззрении носителей уюкской культуры. Здесь, несомненно, отражён целый комплекс представлений, среди которых значительное место занимали магические и близкие к ним, уходящие корнями в более раннее время. В этом плане объяснимы фигуры горных козлов, кабанов и фантастических животных на зеркалах, изображения кошачьих хищников, сцен терзания и борьбы зверей на поясных пластинах и бляшки в виде голов хищных животных и птиц (табл. 77; 78). Можно думать, что изображение, воплощение определённых, высоко ценимых качеств зверей воспринималось как способ их приобретения, как путь усиления действенности разных предметов, служивших оберегами и т.д. Охранительные функции выполняли и многочисленные подвески из клыков, зубов и костей животных.

В сложных композициях отражены, по-видимому, также космогонические, мифологические, а, возможно, и эпические сюжеты.